

«Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено»

С. О. Шмидт,

доктор исторических наук, профессор

Общепотребительное ныне слово «краеведение» понимается неоднозначно. Опыт развития краеведения в России объясняет обусловленность этого самым характером понятия, его многоплановостью.

Слово «краеведение» утвердилось в нашем языке лишь в XX в., хотя и восходит к одному из давних значений слова «край»: страна, область, местность — значению, принятому и в классической художественной литературе, — вспомним «Цыган» Пушкина: *«Но почему, какой судьбой Я край оставила родной...»* В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля (вторая половина XIX в.) такого слова еще нет. Нет его и в Энциклопедическом словаре, издававшемся на рубеже XIX и XX столетий Брокгаузом и Ефроном. В Академическом словаре русского языка (1916 г.) уже находим слово «краеведение» и объяснение его: «совокупность... знаний об отдельных местностях страны, всестороннее изучение отдельных частей страны, преимущественно силами местного населения». Близкое толкование встречаем в словарях русского языка и в энциклопедических справочниках последующего времени. Важно отметить, что изначальный смысл слова подразумевает не просто знание о чем-то, но и путь познания, поиска и распространения этих знаний. «Ведение», по тому же словарю Даля, — это «знание, познание, разумение, сведение, понимание» и... «состояние ведающего».

В настоящее время краеведение — это и научная и научно-популяризаторская деятельность определенной проблематики: прошлое и настоящее какого-либо края, определенной местности — от деревни, небольшого города, даже улицы, фабрики, учебного заведения и т. д. до крупного региона.

Это и метод познания от частного к общему, выявления общего и особенного, метод, опирающийся, как правило, на междисциплинарные научные связи.

Краеведение — это и форма общественной деятельности, причем такой, к которой причастны не только ученые-специалисты, но и значительно более широкий круг лиц, преимущественно местных жителей.

Следовательно, краеведение — это школа познания и методики мышления, школа воспитания культурой (а основа культуры — память, потому можно особо говорить о «воспитании историей»), школа экологического образования и школа общения людей разных поколений, разной образованности, разной степени специальной (научной) подготовки. По определению академика Д. С. Лихачева, краеведение — «самый массовый вид науки».

Под краеведением понимают изучение края в совокупности явлений — общественно-политических и в области культуры, экономических и природных, хотя и выделяют специально историческое краеведение, даже литературное краеведение, и вышли учебные пособия под такими названиями (только в недавнее время: книга Г. Н. Матюшина «Историческое краеведение» в 1987 г.; книга Н. А. Милонова «Литературное краеведение» в 1985 г.). Краеведческое знание — комплексное знание, обычно и историческое (шире — и историко-культурное, историко-экономическое), и географическое (точнее даже — географо-биологическое) одновременно. И знакомство с изучением края, с источниками этого знания обычно начинается (или закрепляется) в краеведческом музее, где разделы истории и природы находятся чаще всего под одной крышей. Это способствует формированию первичных и, главное, конкретных, сразу доступных пониманию представлений о взаимосвязи общества и природы, об истории и культуре.

Краеведение — не только познание края; и история краеведения — не только изучение путей этого познания в прошлом. Это и способ освоения и сохранения исторического опыта. Это — своеобразная селекция, отбор, а зачастую совершенствование того, что выдержало испытание временем, проверку практикой поколений — в сельском хозяйстве и в промыслах, в материальной и духовной культуре, в быту и особенно в сфере нравственности. Краеведение воспитывает уважение к истокам нашим, к родной земле, к ее преданиям, ее ландшафтам, к исконным занятиям предков. Это действует не только на ум — на душу. В памятном всем стихотворении о двух чувствах, дивно близких нам, — любви к отеческим гробам и любви к родному пепелищу — Пушкин выделяет как главное: «...в них обретает сердце пищу». Настоящее краеведение — это всегда любовь к краю.

Краеведение больше всего развивается обитателями этого края. Но краеведческими трудами следует признавать и общеметодические работы о предмете краеведения и отдельных сферах краеведческой деятельности, и труды ученых, не проживающих в данной местности (и даже не связанных с ней своим происхождением), но посвященные прошлому и настоящему того или иного края. Наконец, данные краеведней тематики (точнее сказать, материал истории отдельных краев) — основа или составная часть многих исследований обообщающего или историко-теоретического типов (к примеру, труды по истории культуры Владимиро-Суздальской Руси Н. Н. Воронина,

цикл трудов новгородской тематики В. Л. Янина, работы В. И. Шункова по истории Сибири). Взаимопроникновение местной локальной, и более широкой проблематики — характерная черта и истории, и отечественной науки, и публицистики, и художественной литературы.

Научные понятия об истории края и об источниках такого познания начали формироваться два-три столетия назад. Но корни этих представлений уходят в глубь веков, когда зародились передаваемые от поколения к поколению предания — устные сказания, исторические песни. На них опирались первые летописцы, записывавшие важнейшие события погодно — по «летам». И уже рано возникает местное летописание — летописи отдельных земель, городов, монастырей, сказания о знаменательных событиях в истории края, жития местных святых. Духом летописания проникнуты и святого характера сочинения XVIII в. по истории отдельных краев и городов.

К середине XVIII в. заметна уже научная основа краеведных изысканий. В обретении и распространении краеведных знаний велика роль В. Н. Татищева — зодчего многих наук в России и Академии наук: составляли историко-географические лексиконы, рассылали академические анкеты (такую анкету составил и великий Ломоносов) с разнообразными вопросами о прошлом и настоящем отдельных местностей, организовывали академические научные экспедиции по изучению разных регионов страны, и историки во время таких экспедиций выявляли и копировали старые исторические документы (особенно много сделал в Сибири академик Г. Ф. Миллер). Историко-краеведческий элемент становится обязательным при обосновании и геральдических знаков — гербов городов. Во второй половине XVIII в. стало возможным появление опирающихся уже на достаточно широкую источниковую базу трудов местных жителей, преимущественно из разночинцев, по истории их края. Труды такого содержания получают научное признание: самым первым членом-корреспондентом Академии наук стал (с 1759 г.) П. П. Рычков — автор трудов об Урале и Поволжье. В 1786 г. членом-корреспондентом избрали и В. В. Крестинина — знатока прошлого Архангельского края, экономиста, публициста, общественного деятеля. На труды краеведов не раз ссылается в начале XIX в. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского». А издание многотомного сочинения Карамзина, особенно «Ключа» к нему (т. е. указателей именного, географического, терминологического), составленного археографом П. М. Строевым, стало дополнительным толчком к повсеместному развитию краеведения. Видный этнограф первой половины XIX в. уроженец Тулы И. И. Сахаров начал с того, что в годы учения в Тульской духовной семинарии «долго и много читал» Карамзина и ему, как вспоминал он позднее, «являлась всегда одна мысль: что такое Тула и как жили наши отцы. Я безотчетно решил написать тульскую историю». Сахаров сразу же осознал, что местная история не может быть только государственно-политической, а должна быть «частной», описывающей быт граждан, «который надобно изучать по наличным памятникам в архивах».

Издают описания путевых впечатлений, статистические труды, очерки о памятниках старины — древних городах и зданиях. Археографические экспедиции выявляют документы в местных хранилищах (прежде всего в монастырях к северу от Москвы) и такие акты публикуют. Все это содействовало демократизации представлений о содержании истории и демократизации круга лиц, причастных в той или иной мере к изучению отечественной истории.

С конца 1830-х гг. в приложениях к губернским ведомостям обычно печатают и материалы по истории края. В Москве такое начинание связано с деятельностью В. В. Пассека — друга А. И. Герцена. В Вятке и во Владимире материалы для ведомостей готовил к публикации ссыльный Герцен. От Герцена и декабристов ведет начало традиция участия политических ссыльных в изучении края своей ссылкой. Позднее среди сосланных народников оказались организаторы научных экспедиций, музеев (особенно в Сибири и на севере европейской части России). Известный в начале XX в. публикатор материалов по истории общественного освободительного движения XIX в. В. Я. Бог-

чарский начал с изучения истории сибирской ссылки. Большое внимание уделял этому и ссыльные социал-демократы.

Много сделано в плане развития и исторического краеведения Русским географическим обществом, готовившим под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского многотомные издания: «Географически-статистиче-

М. Н. Тихомиров

ский словарь Российской империи» и «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Особенно велико значение деятельности возникших по почину академика Н. В. Калачова с 1880-х гг. губернских ученых архивных комиссий в выявлении, систематизации, описании памятников разного типа, в организации изданий краеведческой по своему характеру литературы, музеев, научных заседаний и пропаганде краеведческих знаний. Утверждению интереса к краеведению способствовало и духовенство — издавались епархиальные ведомости, описания монастырей; по предписанию синода составлялись сельским причтом церковноприходские летописи.

Труды краеведческой тематики (историко-географические, историко-культурные, статистические) использовали в обобщающих исследованиях, написанных в университетских центрах. Их изучал В. И. Ленин.

Ко времени Великого Октября краеведение

и — шире — общественных взглядов понимали и прогрессивно мыслящие люди и реакционеры по своим убеждениям. И это определяет необходимость детального рассмотрения фактов истории краеведения в плане не только истории развития научных знаний, но и общественно-политического сознания, истории русской интеллигенции. Однако уже сейчас должно отметить, что многие видные краеведы активно включились в краеведческую деятельность первых послереволюционных лет — в дело организации музеев, архивов, библиотек, высших учебных заведений, просвещения народных масс.

Период 1917/1918—1927/1929 гг. можно назвать «золотым десятилетием» развития нашего краеведения — его признавали тогда «массовым научно-культурным движением». М. Горький писал в октябре 1927 г.: «Краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено». Краеведная работа «стала работой государственного, исторического значения». Краеведение считали важной сферой культурно-просветительской политики Коммунистической партии.

В краеведческой деятельности усматривали непосредственную связь с изучением местных особенностей в деле социалистического строительства. А важность учета их В. И. Ленин неоднократно подчеркивал и в наброске статьи 1918 г. «Очередные задачи Советской власти», и в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов», высоко оценивая краеведческое по своему характеру книгу А. И. Тодорского «Год с винтовкой и плугом» (где описывалась деятельность по установлению Советской власти в Весьегонском уезде Тверской губернии), и в других печатных трудах и устных выступлениях.

С 1917 по 1927 г. число краеведческих учреждений и организаций увеличилось более чем в 10 раз: по неполным данным, с 155 до 1761, причем многие из них выпускали свои издания (иногда — рукописные журналы). Деятельность таких организаций — особенно при отсутствии других научных учреждений — превращала их, как тогда выражались, в своеобразные «академии наук на местах».

Особенно заметное направление работы краеведов в первые годы Советской власти — выявление, учет, охрана и использование историко-культурных ценностей, прежде всего в оставленных хозяевами имениях и квартирах. Организуется множество музеев, куда перевозятся не только отдельные предметы и памятники письменности, но и целые коллекции. Начинается сразу же целенаправленное собирание музейных и архивных материалов. Широко известна написанная при поддержке самого Ленина брошюра управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича «Сохраняйте архивы», плакаты, напечатанные в Петрограде и в Москве; схожего типа издания появлялись и в других городах.

Подвижники культурного строительства сумели сделать в условиях голода, гражданской войны, разрухи необычайно много и привлечь к этому молодежь, широкую общественность. Только при поддержке людей разного круга (и в их числе проживавшего в городе Дмитрове знаменитого революционера, учено-географа и теоретика анархизма бывшего князя П. А. Кропоткина) сумел молодой выпускник Московского университета М. Н. Ти-

в той или иной форме занимало немалое место в общественной жизни и больших и малых городов. Но краеведческое движение (если допустимо применительно к XIX — началу XX в. такое словоупотребление) было, конечно, неоднородно, ибо значение краеведных знаний в формировании историко-культурных

Литография
с портрета
В. Н. Татищева

хомиров организовать в 1918 г. Дмитровский музей, ставший затем средоточием ведущих краеведов и музейеведов в 1920-х гг. Позднее будущий академик Тихомиров уже в Самарской губернии спасет архив и семейные реликвии Аксаковых и рукописи старообрядческих иргизских монастырей. Михаил Иванович Смирнов очень много сделал для организации музея и краеведческого общества в Переславле у Плещеева озера — туда приезжали учиться краеведы и ученые разных специальностей со всей страны. А имя его младшего брата Василия связано с расцветом краеведческой деятельности в Костромской губернии, с организацией многих районных музеев и обществ, конкурсов научных работ, поиском талантов даже в среде школьников — так особо отмечен был мальчик Петр Третьяков, ставший затем видным археологом, членом-корреспондентом Академии наук СССР. А в Курске в краеведческих изданиях печатают первые научные труды восемнадцатилетнего В. И. Стрельского, впоследствии крупного источниковеда и историка-архивиста.

К краеведению стараются приобщить возможно широкие слои населения. Потому особое внимание уделяют созданию методической и справочной литературы (в отдельных изданиях решены обе задачи, как, например, в книге литературоведа Н. К. Пиксанова «Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар». М.; Л., 1928), экскурсионной работе (ей много сил отдает известный еще до революции историк-медиевист И. М. Гревс), подготовке путеводителей (руководитель работы по составлению изданного в 1926 г. историко-топографического справочника-путеводителя «По революционной Москве» — будущий академик Н. М. Дружинин).

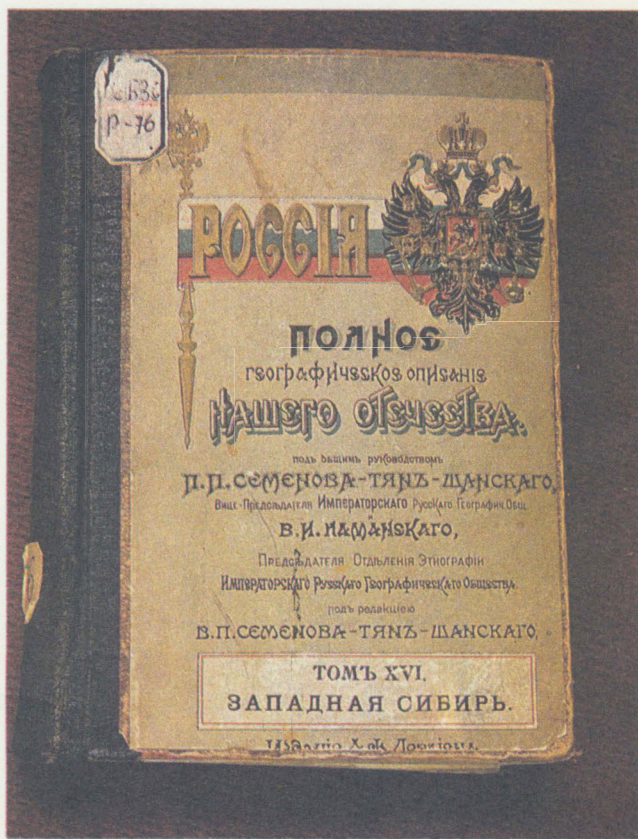
Историческому краеведению 1920-х гг. — в период насаждения вульгарно-социологического подхода к истории — мы во многом обязаны сохранением тогда традиций конкретно-исторических исследований и распространением таких знаний в среде учащихся, развитием и апробацией различных источниковедческих приемов исследования, внедрением их в методику и практику музейного и архивного дела. На труды историков-краеведов тех лет позднее опирались исследователи в обобщающих монографиях по истории России. В краеведческого типа изданиях обнаруживаем и немало близкого современным представлениям о типологии культуры (об «образе города», «усадебь» и др.), о том, что, вслед за академиком Д. С. Лихачевым, называем «экологией культуры», о формах взаимосвязи истории и географии (и шире — общества и природы в прошлом и в настоящем). Наблюдения краеведов повсеместно использовались при экологическом планировании.

В руководящих органах краеведческих организаций крупнейшие ученые — академики, профессора. Они же участники периодических краеведческих изданий, регулярно созывавшихся съездов и конференций. Но там же и не менее деятельно участвуют и рядовые краеведы. А для многих из тех, кто прославится в следующие десятилетия, краеведная работа была путем в большую науку.

Отличительная черта краеведения конца 1910-х — 1920-х гг. — тесная взаимосвязь с «большой наукой» — с академическими уч-

реждениями и университетами. Не говоря уже о как бы взаимопроникновении деятельности краеведов и научных сотрудников музеев и архивов. Это способствовало внесению невиданного ни ранее, ни позднее научного начала — исследовательского и собственно методического — в краеведную работу и использованию выводов и наблюдений краеведов в трудах широкой научной тематики и высокого исследовательского потенциала.

Расчитывая на это, непреходящий секретарь Академии наук академик С. Ф. Ольденбург писал в первом же номере журнала «Краеведение» (1923 г.): «В оборот науки и жизненной практики будет введен такой громадный систематизированный материал, что даже трудно себе представить сейчас те плодотворные обобщения, которые мы вправе ожидать». А Н. К. Крупская, столь много сделавшая для развития народного образования, обращая особое внимание на разработку программы школьного обучения, опирающегося на кон-

кретный материал, говорила на III краеведческой конференции в 1927 г.: «А где же черпать этот материал, как не в краеведении? Вот на каждом шагу ощущаешь необходимость того, чтобы всю нашу работу пропитало всестороннее знакомство с краем».

Подобная деятельность заметно способствовала просвещению широких слоев народа и в то же время приобщала к социалистическому строительству интеллигенцию. Так сохранялось и использовалось культурное наследие и формировались новые традиции культуры и системы школьного образования.

Обложка издания П. П. Семенова-Тянь-Шанского «Россия»

Однако на рубеже 1920-х — 1930-х гг. краеведению был нанесен тяжкий урон и подрублены были корни памятникоохранительной работы. Тогда арестовали не только крупных ученых (по так называемому делу академиков С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле), постоянно связанных с краеведной работой, но и видных местных краеведов; перестали существовать или были реформированы местные краеведческие общества и прекращены многие их издания. События эти, попытки приписать видным краеведам связь с несуществовавшими на самом деле якобы реакционными организациями ученых Академии наук СССР или ученых-экономистов (А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева) с «правым уклоном» находят объяснение в свете наших современных представлений о том, что происходило в стране в год «великого перелома». Краеведческие общества, вообще работа краеведов были выражением демократической самостоятельности, восходящей иногда к традициям, даже дореволюционным. Приобщение к знаниям происходило, зачастую минуя официальные каналы и обходясь без унифицированных методик. Это одно уже не соответствовало новым веяниям, порожденным обстоятельствами, характерными для периода культа личности Сталина и бюрократизации нашей общественной жизни.

Более того, когда стремились все нивелировать, краеведы почитали своим долгом выявлять своеобразие. Всем опытом своего дела, вернее сказать, опытом истории своего края и современных конкретных социологических исследований предостерегали от попыток уни-

фикации приемов хозяйствования, без учета местных отличий — природных и социальных, выверенных временем обычаев. Массовая насильственная колхозизация не могла не повлечь гибель знатоков особенностей местной сельской жизни. Наступление на промышленную кооперацию не могло не оказаться трагическим для тех, кто эти промыслы изучал и популяризировал. Массовое разрушение старинных и особенно церковных зданий влекло за собой и наказание тех, кто видел в них ценные памятники истории и культуры и боролся за их сохранение, утверждал идеи исторической преемственности.

В годы преемственных миграций все нацелено было на отрыв массы населения от своих корней, обеднение в ее умах исконных корневых связей. А краеведы, напротив, силы свои прилагали к тому, чтоб эти корневые основы не только не порушились, а становились источником дальнейшего роста культуры.

Связывали с этим и нравственное воспитание, и экологическое образование. И делали это доходчиво, действительно, самоотверженно.

И потому разгром краеведения тех лет, шельмование краеведческих традиций той поры отнюдь не кажутся случайными. Такое препятствие все более укрепляющемуся сталинскому режиму следовало — как полагали тогда — устранить одним из первых. Краеведческое движение 1920-х гг. уж очень отлично было от утверждавшегося стиля командно-административной системы. И для краеведения то, что мы теперь называем «37-м годом», наступило в 1929—1930 гг.

Ущерб, нанесенный работе краеведов, еще более стал ощутим в середине 1930-х гг., когда были ликвидированы оставшиеся краеведческие организации, закрыты многие музеи и репрессии коснулись более молодых специалистов, в частности тех, кто занимался изучением истории революционного движения и, по почину М. Горького, подготовкой книг и других изданий по истории фабрик и заводов; здесь работали совместно и ученые-историки и писатели; в работу включились видные деятели партии и государства. Краеведение оказалось отодвинутое от основной колеи научных исследований, отторгнуто и от активной общественной жизни.

Степень непосредственного участия крупных ученых в собственно краеведной (да и музейной) работе становится все менее заметной. Однако нельзя не учитывать того обстоятельства, что труды таких ученых в тех случаях, когда обобщающего типа выводы предвараются скрупулезным исследованием данных, относящихся к разным регионам страны, становились важнейшими вехами в изучении истории и отдельных краев и в развитии краеведной научной методики. Пример тому — книги классиков советской исторической науки академика М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», а позднее «Россия в XVI столетии» — монография историко-географической тематики, академика Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси». Очень весом вклад в изучение и краеведческой проблематики С. В. Бахрушина (труды по истории складывания «Всероссийского рынка», по истории Сибири), Н. Л. Рубинштейна (порайонные исследования истории сельского хозяйства, промышленности, торговли во второй по-

ловине XVIII в.), особенно В. К. Яцунского — автора обобщающих трудов по исторической географии и работ по социально-экономической истории России XVIII — XIX вв. и методике ее изучения.

Краеведение оставалось на периферии «большой науки» даже после возрождения интереса к истории своей малой родины в годы Великой Отечественной войны и последующее время. И еще в кратком советском Энциклопедическом словаре, в 4-м издании (1987 г.), написано, что «наиболее массовая форма» краеведения в СССР — «школьная».

Лишь в самые последние десятилетия в краеведческую деятельность вовлекается все большее число людей по призванию. Стали уделять серьезное внимание этому вузы, академические институты, изданы хрестоматии и документальные сборники по истории края (хотя изданиям краеведческих записок и поныне ставятся препоны). Работа эта стимулируется и подготовкой «Свода памятников истории и культуры». Особенно ошутим вклад в развитие краеведения республиканских обществ охраны памятников истории и культуры. Сразу же включили в свою программу краеведную деятельность Советский фонд культуры и его отделения. В октябре 1987 г. состоялась Всесоюзная научная конференция по историческому краеведению в Полтаве (и это не случайно, ибо именно на Украине была подготовлена многотомная «История городов и сел Украинской ССР», работу над которой начали в 1962 г.), в апреле 1989 г. намечена вторая такая конференция в Пензе.

Справедливо говорят о возрождении краеведения. И в этих условиях особенно уместно обратиться к опыту истории краеведения. Там можно почерпнуть и уникальные сведения о прошлом края и особенно о памятниках истории и культуры, не дошедших до наших дней или видоизмененных, и узнать многое о приемах краеведной и памятникоохранительной работы, полезных и в нашей сегодняшней деятельности. Все более ясным становится и то, что история краеведения в России — существенная сфера истории культуры и науки, общественной жизни, что без ее освещения история отечественной культуры, и прежде всего «народной культуры», будет далекой от полноты.

Однако история краеведения вообще, и в частности исторического краеведения, донныне не написана; имеющиеся материалы не обобщены, между тем как только в последние годы появилось немало историко-краеведческих диссертаций, статей, библиографических указателей. Не определена, по существу, роль краеведения в развитии науки. Ожидает исследователя проблема «Краеведение и интеллигенция». Статьи «Историческое краеведение» нет в Советской исторической энциклопедии. Нет разделов о краеведении в академических «Очерках истории исторической науки в СССР»: случайные подчас сведения рассредоточены в разных главах, а сводного характера данные о периоде первых лет Советской власти приводятся в IV томе в подглавке «Научные общества и музеи» и уместились в двух абзацах.

Очевидна необходимость написания трудов по истории краеведения. Это — и долг памяти перед подвижниками краеведения или, как они его называли сами, родиноведения. На-

ступила пора подготовки и академического типа истории краеведения, и работ по истории краеведения отдельных регионов и об отдельных краеведах, краеведческих обществах, музеях, и краеведческих библиографий регионального и сводного характера. При этом важно обобщить данные и о печатном материале, и об относящихся к этой тематике архивных материалах. Вероятно, полезно было бы издать хрестоматию по истории краеведения, переиздать (быть может, в виде сборника статей) некоторые работы краеведов «золотого десятилетия». Работы более частной проблематики должны быть предварительным условием создания обобщающих трудов (особенно охватывающих историю краеведения со времени его зарождения).

Таким материалам (и обобщению данных о подобных материалах) должно отвести место в альманахе «Памятники Отечества», вводя туда и раздел «Образы краеведов».

Пора организовать планомерное изучение материалов по истории краеведения. Материалы губернских ученых архивных комиссий, статистических комитетов, краеведческих обществ и изданий последующего времени могут

В. К. Яцунский

стать основой и диссертаций и дипломных работ по истории (да и литературоведению) и смежным научным дисциплинам — историографии, источниковедению, археологии, истории архивного дела, истории музейного дела, библиографии, этнографии, археологии и т. д. и т. п. В основе изданной в 1984 г. книги

Г. П. Присенко о тульском дореволюционном краеведении «Проникновение в былое» кандидатская диссертация. Хорошо бы увидеть в библиотеках книги по истории краеведения и других регионов. Подготовлены к изданию (Археографической комиссией АН СССР и Советским фондом культуры) книги С. Б. Филимонова «Краеведение и документальные памятники. 1917—1929 гг.» и «Историко-краеведческий материал архива обществ по изучению Москвы и Московского края» (это — расширенное переиздание работы, изданной ранее ротационным способом ВООПИИК). Важно продолжить печатание книг и статей об охране памятников истории и культуры в первые годы Советской власти — работы Ю. Н. Жукова, Г. В. Ильиной, В. Ф. Козлова, Е. В. Кончина и других вызвали живой интерес.

На местах справедливо было бы подготовить книжечки об известных краеведах. Думается, что такая книга очерков могла бы быть включена и в план серии «Жизнь замечательных людей». Деятельность краеведов, организаторов музеев необходимо отмечать в экспозиции музеев, памятными досками на домах, где они жили и работали. Так будем воспитывать гордость краеведами там, где происходила их деятельность, поможем определению места краеведной работы в развитии «Большой науки». Это будет способствовать воспитанию интереса не только к истории, но и к труду историка, формированию души будущих Дружининых, Тихомировых, Окладниковых.

При всем этом нельзя ограничиваться сведениями о печатных изданиях или почерпнутыми из таких изданий. Необходима работа в архивах. Полезен был бы и обобщающего характера справочник об архивных фондах краеведческих организаций и отдельных краеведов, об архивах музеев. В архивах краеведов или даже ученых более широкого профиля, но преданных делу охраны и пропаганды памятников истории и культуры и фактам местной истории, осталось немало неизданного. А сколько позабыто и имен, и трудов! В «Каталоге личных фондов отечественных историков», предварительный список которого, подготовленный в Археографической комиссии АН СССР издан в 1984 г., включаются данные и о краеведах. Стоит начать работу по подготовке «Словаря краеведов». Предшествовать такому изданию, вероятно, должны словари регионального типа. В словарях надо использовать и архивные материалы, указывать труды, оставшиеся ненапечатанными или незавершенными (включая и те, о которых имеется лишь упоминание), прилагать к статьям персональные библиографические перечни трудов краеведов (лучше аннотированные) и литературы о них.

Хорошо бы запланировать работу и по выявлению материалов о прежних музеях, о собирании коллекций, о создании и пополнении музейных фондов после Великого Октября, о дальнейшей судьбе этих материалов, о первых организаторах советского музейного дела, о взаимосвязях музейной работы и краеведения. В этом плане имеется серьезный задел в трудах НИИ культуры при Министерстве культуры РСФСР, Государственного Исторического музея, Центрального музея Революции СССР. Видимо, такое направление работы до-

жно привлечь внимание и тех, кто выявляет и описывает памятники письменности в музеях региона. Многих заинтересовал пример так называемой Вологодской программы, когда по инициативе и под руководством профессора П. А. Колесникова предпринята (при участии специалистов Ленинграда и Москвы) подготовка многотомного издания «Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель» (вышло уже более десяти книг). Все это могло бы обеспечить подготовку и аннотированного справочника о музеях нашей страны (с указанием и основной библиографией) и о несуществующих уже музеях и трудах академического типа по истории музейного дела, музейного строительства.

Понятна важность подготовки и издания библиографических трудов по краеведению. Тут имеются богатые традиции, восходящие еще к Н. В. Здобнову и его современникам. В работах Е. Н. Буриной и других сведены воедино данные об изданиях первых десятилетий Советской власти, в указателе Н. Н. Щербы «Теория, методика, история и организация краеведческой библиографии» (М., 1986) литература 1958—1985 гг. Необходимы издания региональных библиографий.

Ясно, что все это может быть осуществлено только совместными усилиями сотрудников научно-исследовательских институтов и вузов (в Московском государственном историко-архивном институте есть уже опыт такой исследовательской работы), архивов, музеев, библиотек. И условие успеха — участие во всем этом активистов ВООПИИК и пенсионеров, имеющих навыки библиографической, архивной, музейной работы, и особенно молодежи, которой надлежит передавать такие навыки. Такая работа будет способствовать и объединению творческих замыслов активистов разных секций ВООПИИК. Изучение печатных трудов и архивов краеведов и краеведческих обществ несомненно обогатит и литературное краеведение, поможет преподавателям высшей и средней школы в понимании особенностей и природы нашей литературы. Как верно заметил А. Т. Твардовский, русские писатели «принесли с собой в литературу свои донские, степные и лесостепные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краев, цвета и запахи их лесов и полей, их весны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен и своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого великого языка». Краеведная программа — а, следовательно, и изучение прошлого краеведения — должна, как думается, стать одним из стержневых направлений деятельности нашего Общества охраны и использования памятников истории и культуры.

Все это поможет высветить «темные» или «забытые» места в истории нашего краеведения. А это облегчит и видение черт своеобразия истории каждого «края» нашей великой страны и ее культуры. В наше время демократизации мышления и деятельности, поощрения местной инициативы естественно возрождение краеведения. А это предопределяет интерес и к прошлому краеведения и использованию его достижений в настоящем во имя будущего.